

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 327–336

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 327–336

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-327-336>, EDN: WWQKAX

Научная статья

УДК 811.161.1'27'38'42-048.93:004.738.5

Императивный интернет-комментарий как особый жанр конфликтной интернет-коммуникации

В. А. Шульгинов

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

²Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Шульгинов Валерий Александрович, кандидат филологических наук, ¹ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик; ²старший научный сотрудник лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости, me@vshulginov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>

Аннотация. В статье рассматривается императивный интернет-комментарий как особый жанр конфликтного интернет-дискурса. Исследование проводилось на базе двух сообществ социальной сети «ВКонтакте», различающихся по структуре социальных связей: вертикального типа (официальное сообщество «ВКонтакте с авторами») и горизонтального типа («Новости звёзд шоу-бизнеса»). С применением автоматических методов сбора и анализа данных было установлено, что данный тип текста демонстрирует устойчивую негативную тональность (около 30% всех комментариев), конфликтный характер и экспрессивность языковых средств. В сообществах с вертикальной структурой императивный интернет-комментарий встречается в три раза чаще и преимущественно используется для критики представителей администрации платформы. Анализ иллокутивных характеристик показал, что в сообществе с вертикальной структурой преобладают призывы и реквестивы, тогда как в сообществе с горизонтальной структурой доминируют конфликтные высказывания, направленные на исключение «чужих» из коммуникации. Языковые особенности включают использование сниженных экспрессивных номинаций людей, искажение написания и элементы экспрессивного синтаксиса. Исследование позволяет обосновать выделение императивного интернет-комментария как самостоятельного речевого жанра и определить его специфику в различных типах интернет-сообществ.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-комментарий, интернет-жанр, реактивность, гибридность, императивный интернет-комментарий, сентимент-анализ, сообщество, конфликтная коммуникация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>).

Для цитирования: Шульгинов В. А. Императивный интернет-комментарий как особый жанр конфликтной интернет-коммуникации // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 327–336. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-327-336>, EDN: WWQKAX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Imperative internet comment as a special genre of conflict internet communication

V. A. Shulginov

¹National Research University 'Higher School of Economics', 20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia

²Pushkin State Russian Language Institute, 6 Akademika Volgina St., 117485 Moscow, Russia

Valery A. Shulginov, me@vshulginov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2217-3677>

Abstract. The article examines the imperative internet comment as a special genre of conflict internet discourse. The research was based on the study of two communities of the social network “VKontakte”, differing in the structure of social connections: vertical type (official community “VKontakte with authors”) and horizontal type (“Showbiz stars news”). Using automatic methods of data collection and analysis, it was established that this type of text demonstrates a stable negative tonality (about 30% of all comments), confrontational character, and expressiveness of linguistic means. In communities with a vertical structure, imperative internet comments occur three times more frequently and are predominantly used to criticize platform administrators. Analysis of illocutionary characteristics showed the prevalence of appeals and requestives in a community with a vertical structure, and the dominance of conflict statements aimed at excluding “outsiders” from communication in a community with a horizontal structure. Linguistic features include the use of lowered expressive nominations of people, distorted spelling, and elements of expressive syntax. The research made it possible to justify the identification of the imperative internet comment as an independent speech genre and determine its specificity in various types of internet communities.

Keywords: internet communication, internet comment, internet genre, reactivity, hybridity, imperative internet comment, sentiment analysis, community

Acknowledgments. The reported study was funded by RSF (project 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>).

For citation: Shulginov V. A. Imperative internet comment as a special genre of conflict internet communication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 327–336 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-327-336>, EDN: WWQKAX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительное развитие технологий оказывает заметное воздействие на социальные и дискурсивные практики, трансформируя принципы взаимодействия пользователей как в личном, так и в публичном коммуникативном пространстве. Этот процесс в значительной степени способствует возникновению новых жанров, генезис которых в русскоязычном дискурсе имеет различную природу. Как справедливо констатирует В. В. Дементьев, «одни из них заимствуются, хотя и не происходят “чистого” и механического переноса всех форм и тем более содержания на чужую культуру; другие развиваются и формируются на своей оригинальной национально-культурной почве» [1: 9]. В контексте подобного взаимодействия между реальными и виртуальными коммуникативными средами особую исследовательскую значимость приобретает анализ и описание гибридных речевых жанров, среди которых императивный интернет-комментарий занимает особое место.

Специфика этого жанра определяется экспансией конфронтационного общения в дискурсивных пространствах виртуальных сообществ. Существуют различные подходы к объяснению причин возникновения конфликтов в интернет-коммуникации. Например, С. Хардакер отмечает, что «компьютерно-опосредованная коммуникация может позволить тем, кто разделен временем и пространством, общаться быстро и легко, но она не может (полностью) воспроизводить сигналы взаимодействия лицом к лицу, тем самым увели-

чивая вероятность недопонимания и, в свою очередь, конфликта» [2: 215]. Альтернативная исследовательская позиция интерпретирует активное использование агрессивных коммуникативных практик как средство самопрезентации «в агрессивных тонах» в условиях массового общения [3: 4]. На наш взгляд, стоит учитывать следующие факторы: принципиальная дистантность, контроль над параметрами социализации, желание быть заметными в ситуации бесконечно порождаемого полилога, а также очертить круг «своих/чужих» для сохранения интересов и ценностей группы. Таким образом, стремление к социальной видимости, когда речь заходит о демонстрации групповых ценностей, становится одним из главных мотивов для оказания коммуникативного влияния на других пользователей.

Следует отметить, что интернет-комментарий как специфический коммуникативный феномен получил достаточно подробную характеристику в современных исследованиях: представлено его комплексное жанроведческое описание [4], проанализированы стилистические особенности [5], исследованы оценочные смыслы и конфликтогенный потенциал [6, 7], осуществлен анализ комментария как вариативного типа текста в различных дискурсивных практиках [8–11]. Таким образом, в научной литературе сложилась определенная традиция описания статуса и ключевых характеристик интернет-комментария. В рамках данной статьи мы обозначим лишь те положения, которые наиболее релевантны для нашего исследования.

Во-первых, вне зависимости от его реальной или виртуальной реализации комментарий имеет вторичную природу [12–13]. Это проявляется в существовании текста-основы, который становится стимулом для дальнейшего обсуждения или преобразуется в ходе последующего комментирования. В. И. Карасик выделяет функциональные аспекты существования комментария, подчеркивая, что его цель – разъяснение, подтверждение, уточнение и критическая оценка информации, содержащейся в исходном тексте [12: 46]. С. В. Ионова, в свою очередь, предполагает два типа отношений между комментарием и текстом-основой: а) адаптации, целью которых является приспособление речевого произведения к новым дискурсивным условиям его использования; б) интерпретативный тип, целью которых является семантическое преобразование элементов текста в соответствии с позицией автора [13]. Отметим, что в приведенных выше классификациях интенция воздействия не входит в набор обязательных для комментария функциональных признаков.

Во-вторых, специфической чертой интернет-комментария является его диалогичность и реактивность. Этот жанр ориентирован на активное продолжение коммуникации, что проявляется в его способности выступать в качестве ответа на предыдущий текст (например, на новостную статью или пост) и стимулировать дальнейшее обсуждение. Таким образом, каждый интернет-комментарий обладает способностью стать частью более сложной диалогической структуры, которую Т. Н. Колокольцева называет «информационно-комментарийным блоком» [4: 165]. Это свойство служит инструментом активного вовлечения пользователей в непосредственное формирование дискурса на информационных платформах.

В-третьих, следует обозначить гибридный характер речевого жанра интернет-комментария, который совмещает в себе черты традиционного комментария и особенности электронного дискурса, среди которых традиционно называются гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность, асинхронность, поликодовость в аспекте сочетания узуальных норм письменной и разговорной речи [14, 15]. Гибридность жанра интернет-комментария находит отражение в его относительной автономности, что противоречит первым двум выделенным нами признакам. Как отмечает О. В. Лутовинова, описывая взаимосвязь между постом в сетевом дневнике и комментариями к нему, «дневниковый пост служит только отправной точкой для коммуникации в комментариях, которая тематически не обязательно совпадает с тем, что

отражается в самом посте» [16: 201]. В исследовании Л. Г. Ким, А. А. Рольгайзер также рассматриваются типы тематических дериваций комментариев-реакций по отношению к текстовым стимулам, среди которых исследователи выделяют центростремительные (т. е. сохранение тематической связи с исходным текстом) и центробежные тенденции, характеризующиеся тематическим «соскальзыванием» [11: 291].

В нашем исследовании мы предлагаем развить дихотомию «комментарий – интернет-комментарий» и рассмотреть императивные интернет-комментарии (далее – ИИК) как особый тип текста. Исследователи по-разному оценивают возможность существования ИИК. Т. В. Колокольцева, например, считает, что основная цель жанра интернет-комментария – «выражение субъективного модуса адресата, его мнений и оценок» [4: 167]. Она также отмечает, что, с ее точки зрения, «императивная составляющая текстов данного жанра <...> является факультативной» [4: 167]. Большую роль императивной составляющей интернет-комментария отводит Т. И. Стеклова, которая предлагает использовать термин «оценочно-императивный жанр» [9: 87]. Встречается также попытка выделения ИИК в отдельный текстовый класс. Так, Я. А. Дударева и Н. Н. Шпильная вводят термин «комментарий-обращение» для обозначения особого типа текстов, которые «оформлены как комментарии к посту представителя власти, но по содержанию представляют собой не просто вторичные тексты-реакции на пост-стимул, а содержат принципиально новую интенцию, связанную с сообщением о проблемной ситуации» [17: 55]. Впрочем, эти наблюдения ограничиваются наблюдением за политическим дискурсом в социальных сетях.

Методика

В рамках исследования мы рассмотрели характеристики ИИК на материале коммуникации в двух сообществах социальной сети «ВКонтакте». В качестве основного источника мы выбрали сообщество «ВКонтакте с авторами» (далее – ВСА) – официальное пространство «ВКонтакте», созданное для поддержки и информирования создателей контента на платформе. Официальный статус группы подразумевает формирование дискурса, который в некоторой степени напоминает комментарии-обращения к представителям власти, как это было описано в исследовании Я. А. Дударевой и Н. Н. Шпильной [17]. Однако, несмотря на некоторые общие черты, эти дискурсы нельзя считать идентичными.

В сообществе ВСА мы видим классическое разделение акторов на *агентов* и *клиентов*

(терминология из [18: 14]), где в роли агентов выступают официальные представители платформы, а в роли клиентов – авторы контента. В этой диаде сложно однозначно определить иерархию между агентами и клиентами, так как, несмотря на контроль над функционированием платформы, основная, если не единственная, задача агентов – привлечение активной творческой аудитории. Таким образом, можно говорить лишь об очевидных ролевых различиях между участниками, причем клиенты обладают даже большей свободой выбора языковых средств в этом общении. Особенно ярко это проявляется в том, что клиенты используют явно агональную коммуникацию.

С целью подтверждения существования жанра ИИК вне контекста дискуссий в институционализированных сообществах, мы дополнительно изучили комментарии из сообщества «Новости звёзд шоу-бизнеса» (НЗШБ), которое формирует совершенно другую коммуникативную среду. В этой группе основное общение происходит между участниками, которые разделены на конкурирующие подгруппы, каждая из которых посвящена жизни и творчеству определённого артиста. Таким образом, в нашей статье мы рассматриваем сообщества двух типов: а) институционализированные сообщества с вертикальной структурой; б) сообщества с преимущественно горизонтальными связями.

Сбор и обработка данных проводились в несколько этапов с использованием специализированных библиотек языка программирования Python.

Первым шагом был автоматический сбор комментариев к последним публикациям в группах. В результате мы получили два примерно одинаковых по объёму набора данных. В группе ВСА было собрано 949 комментариев к 10 постам, в группе НЗШБ – 1068 записей к 20 публикациям. Структура обоих наборов данных идентична и включает в себя следующие разделы: Имя, Пол, Текст, Количество лайков, Дата публикации. Для сохранения анонимности имена авторов были зашифрованы.

На втором этапе с помощью регулярных выражений была произведена автоматическая предобработка текстов комментариев, из которых были удалены все символы, кроме кириллических и латинских.

Затем мы использовали библиотеку Stanza [19] для морфологического анализа текстов. Наша цель заключалась в том, чтобы выявить только те комментарии, в которых содержатся императивные формы глаголов.

Однако наличие императива само по себе не может служить достаточным основанием для того, чтобы отнести весть интернет-комментарий к императивному типу. Мы также учитывали воздействующий характер всего сообщения, удаляя в ручном режиме комментарии с несколькими интенциями или омонимичные формы (например, имя Дава, которое было размечено моделью в качестве императива «давай»).

Наконец, была использована дообученная версия RuBERT [20] для задачи сентимент-анализа на русском языке, которая учитывает нейтральный, позитивный и негативный характер текстов.

В результате предобработки данных выделено 164 примера ИИК для группы ВСА и 55 примеров для группы НЗШБ. Количественный анализ выявил существенное различие в представленности ИИК между двумя типами сообществ: в институционализированных сообществах с вертикальной структурой доля ИИК составила 17,28% от общего объёма соответствующего датасета, что более чем в три раза превышает аналогичный показатель для сообществ с преимущественно горизонтальными связями (5,15%). Однако это различие скорее служит критерием для определения типа сообщества. Представленность ИИК в различных социальных контекстах может служить маркером его устойчивости.

В дальнейшем описании языкового материала мы будем использовать подход, предложенный В. В. Дементьевым в статье «Оценочные метакомментарии в топе новостного браузера». Этот подход можно описать как начальный компонентный анализ, который включает в себя языковые семантические и прагматические компоненты [8: 21]. В ходе нашего анализа мы будем применять как количественные, так и качественные методы.

Результаты исследования

1. Прагматическая структура ИИК

Автор ИИК в сообществе ВСА характеризуется следующими параметрами: он позиционирует себя как давний пользователь социальной сети, активно пользуется ее функционалом, что находит отражение в большом наборе критических замечаний (*зачем убрали кнопку загрузки из плейлистов, эти сторисы все равно по статистике никто не смотрит¹*); хорошо знаком с историей развития платформы (*вы накуралесили за 11 лет, ВК более 15 лет имел уникальный функционал, дизайн и интерфейс, почти 10 лет*

¹Здесь и далее орфография и пунктуация в приведённых комментариях (цитатах, примерах) сохранены в соответствии с авторским оригиналом.

работают вроде все норм и с охватами и со всем остальным), а также репрезентирует себя в качестве хранителя основных ценностей платформы, выступая с критикой по отношению к новшествам (*кому нужны ваши подкасты, верните функционал, визуал и охваты*). Адресатами ИИК в нашем датасете являются: а) представители платформы (86% примеров), б) другие пользователи (14% примеров).

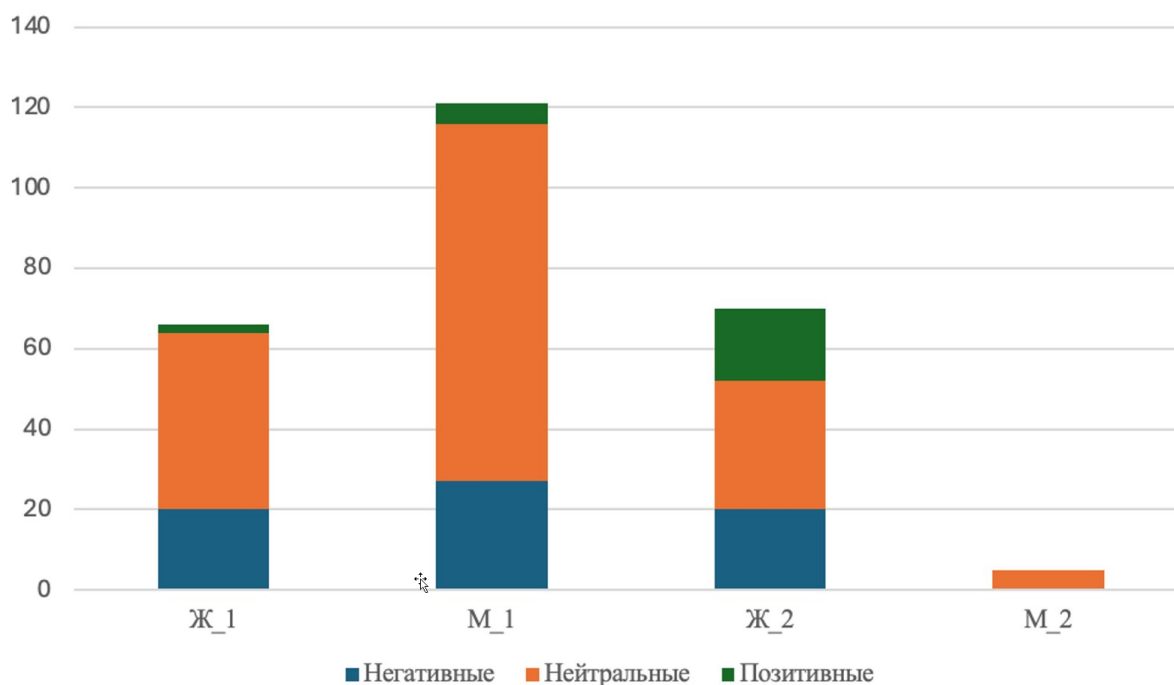
Автор ИИК в сообществе НЗШБ не нацелен на институциональное общение. В нашем наборе данных мы обнаружили лишь одно обращение к администраторам сообщества, в то время как остальные были направлены либо участникам сообщества (72%), либо непосредственно представителям шоу-бизнеса (28%). Впрочем, следует отметить, что ИИК вроде «Дава, Мери, любите друг друга и наслаждайтесь этим» вряд ли достигнут своего прямого адресата, и автор это осознает. Здесь мы имеем дело с публичной массовой коммуникацией, и поэтому ещё одним типом адресата, общим для обоих сообществ, становится любой пользователь социальных сетей, который оказывается в этой группе.

Мы также сопоставили корреляции тональности ИИК и гендерный состав сообществ (ВСА – Ж1/М1, НЗШБ – Ж2/М2).

Как видно на рисунке, в сообществе ВСА коммуникация осуществляется преимущественно мужчинами, в то время как НЗШБ большинство авторов ИИК – это женщины. Если рассмотреть распределение тональности текстов в каждой группе, то можно заметить следующее: в сообществе ВСА доля негативных ИИК, оставленных женщинами, составляет 30,8%, в то время как мужчины склонны оставлять меньше негативных ИИК (22,3%), больше нейтральных (73,5 и 67,6%) и позитивных (4,1 и 1,5%).

В сообществе НЗШБ, которое в основном состоит из женщин, доля негативных комментариев примерно такая же, как и в предыдущем сообществе – 30,7%. Нейтральных комментариев 49,2%, а позитивных – 25,7%. Таким образом, негативная тональность может считаться одним из постоянных признаков жанра ИИК.

Кроме того, пользователи, наблюдающие за коммуникацией, наиболее активно поддерживают ИИК с негативной тональностью. В сообществе ВСА эта динамика прослеживается наиболее ярко, среднее количество лайков по классам тональности выглядит следующим образом: негативные – 19,5%, нейтральные – 12,2%, позитивные – 4,3%. В сообществе НЗШБ негативные и нейтральные ИИК практически совпали по популярности: негативные –

Распределение ИИК по полу и тональности в сообществах ВСА и НЗШБ

Distribution of imperative internet comments by gender and sentiment in the “VK with Authors” and “Showbiz Stars News”) communities

4,45%, нейтральные – 4,48%, позитивные – 3,1%.

2. Иллокутивно-прагматическая характеристика

Мы строим классификацию иллокутивно-го наполнения ИИК с учетом нескольких оснований, к которым относятся типология побудительных высказываний, кооперативные стратегии, для реализации которых могут использоваться ИИК, а также типы речевого воздействия в конфликтном дискурсе. В качестве основы нашей классификации мы использовали типологию побудительных высказываний, предложенную Е. И. Беляевой [21: 15]. На основании трех критериев (облигаторность действия, приоритетность говорящего и выгоды для говорящего) исследователь выделяет:

- 1) прескриптивы (в нашей разметке мы относили ИИК к классу призывов);
- 2) суггестивы (или советы);
- 3) реквестивы (ИИК с просьбой и прямые запросы информации).

Часть прескриптивов носит кооперативный характер и включает интенции пожелания, выражения солидарности. Кроме того, существенная часть комментариев направлена на конфронтацию, что подразумевает использование двух основных стратегий невежливости: высказывания, направленные на атаку ценности собеседника (позитивная невежливость); высказывания, ограничивающие свободу адресата (негативная невежливость). Согласно классификации Дж. Калпера [22: 135], выделяются следующие типы речевых формул, которые можно классифицировать в соответствии с их принадлежностью к позитивной или негативной невежливости:

- **позитивная невежливость:** insults (оскорбления²), pointed criticisms/complaints (направленная критика, жалобы), unpalatable questions and/or presuppositions (оскорбительные вопросы и/или предположения), condescensions (снисходительность);
- **негативная невежливость:** message enforcers (усилители сообщений, например, «слушай меня внимательно»), dismissals (пренебрежительные отказы, послы), silencers (принуждения к молчанию);
- **универсальный характер:** threats (угрозы), Negative expressives (негативные экспрессивы).

В сообществе ВСА представлено следующее распределение ИИК по иллокутивным

характеристикам. Большую часть примеров представляют собой негативные по тональности призывы к представителям платформы (48%). Обычно пользователи призывают вернуть прежний интерфейс и функционал, отменить нововведения или исправить ошибки. Этот класс представлен следующими императивными формами: *верните* (67 употреблений), *сделайте* (7 употреблений), *почините* (6 употреблений), *добавьте* (3 употребления), *разберитесь* (2 употребления), *(не) лезьте* (1 употребление). Призывы к другим участникам сообщества составляют незначительный процент от всех примеров (4,3%) и в основном связаны с призывом отказаться от услуг платформы (*Так что, народ, бегите в телегу и тащите аудиторию с собой*). Однако также могут встречаться призывы к большей активности в общении (*Мне скучно, кто-нибудь, ткните палкой чувака с убитой лентой и постингами, пусть выложит свой дежурный коммент*).

На втором месте по частоте употребления находятся реквестивы, связанные с прямым запросом информации (12,2%) и просьбой (7,3%). Как и в ситуациях с призывами, практически все они адресованы представителям платформы. В качестве лексических маркеров этих интенций выступают императивные формы *подскажите* (9 употреблений), *объясните* (4 употребления) и *помогите* (3 употребления). Переход к кооперативному типу взаимодействия не влияет на тематическое наполнение ИИК. Они также касаются вопросов возвращения привычного интерфейса платформы (*Подскажите, когда вернется отдельная вкладка комментариев? Как следить за всеми срачами в группе?*), а также связаны с запросом на объяснение новых элементов в интерфейсе платформы (*почините, пожалуйста фильтр; объясните, что случилось с поиском в приложении vk*).

Среди побудительных высказываний суггестивы составляют наименьшую группу – всего около 4%. Эти ИИК кооперативны только по форме реализации, имплицитно они также содержат критику платформы и в основном используются для, чтобы в ситуации конфронтации обозначить свою позицию эксперта. Обычно они представляют собой развернутый аргументированный ответ, который как бы намекает на низкую компетентность оппонента (*Вам следует создать более подходящие условия для работы: обеспечить наличие необходимых инструментов, улучшить дизайн и наладить более справедливое отношение к сотрудникам*).

²Перевод мой. – В. III.

Эксплицитная речевая агрессия как единственная ИИК данной группы занимает 7% и проявляется в интенциях пренебрежительного отказа (*идите со своими фестивами; засуньте себе ваши курсы куда подальше, идите вы лесом*), принуждения к молчанию (*прекратите чудить, вк мёртв и не лезьте больше за лопатой*), негативных экспрессивов и оскорблений (*выдайте лучше курсы тому кто придумал этот ущербный дизайн; доходы верните нормальные – позорники*). При этом агрессивное принуждение сопровождается практически все случаи призывов, а иногда выступает в качестве дополнительной интенции даже в кооперативных по содержанию высказываниях. Например, вежливая просьба скажите пожалуйста как можно сделать так, чтобы в ленте показывала то, что мне интересно и показывала публикации тех групп на которые я подписан сопровождается негативно оценочным заранее спасибо контора альтернативно одаренных солнышек. В единичных случаях речевая агрессия может быть направлена на участников сообщества и выражать поддержку администрации паблика, например, *вот откуда под каждым постом столько нытиков берётся чего-то там охватов вечно кому-то не хватает, партнёрка плохо работает, дизайн хреновый, олдскула вечно хочется*.

В сообществе НЗШБ конфликтные побудительные высказывания составляют большую часть дискурса (64%). В ситуациях горизонтального взаимодействия они направлены либо на других участников сообщества (например, принуждение к молчанию как самая частотная стратегия: *смени пластинку, уже неактуально; отвалите; завидуйте молча; валерьянки выпей; успокойся, шагай лесом; иди проспись*), либо на представителя шоу-бизнеса, который является символом социальной группы оппонента (*Вы там бабло рубите. Отвалите; фонограмму включил и пой*). Прескриптивы (12%) также могут быть обращены к пользователю (*не сдерживайте себя; посмотрите полностью интервью*) или к артисту (*живи спокойно, пой как хочешь*). Среди вежливых интенций можно выделить случаи выражения солидарности с другими пользователями (*ну согласитесь, очень мило*) или интенцию совета (*у нее уточните*).

Таким образом, мы можем выделить следующие закономерности в характеристике иллюкутивного наполнения жанра ИИК. В первую очередь это инструмент конфликтного дискурса, направленный на ограничение свободы оппонента и захват власти в коммуникации. В сообществах с вертикальным типом отношений это проявляется в дискредитации носителя более высокого статуса (разработ-

чика, администратора и пр.), в то время как в сообществах с горизонтальными связями ИИК становится способом исключения из коммуникации любого оппонента. Иногда ИИК может использоваться для выражения солидарности с представителями власти или с пользователями, разделяющими общие интересы и ценности. Наконец, ИИК сохраняет модусную функцию, присущую интернет-комментариям и выражает оценку, зачастую негативную.

3. Языковые особенности

В сообществе ВСА на лексическом уровне в качестве явного признака можно выделить экспрессивность лексических средств, которые представлены следующими лексико-семантическими группами: прилагательные и существительные, описывающие элементы интерфейса (*беспонтовый, дурацкий, багнутый; убитая лента, дряннолента, срach*); оценочные существительные, (*дохлятина, лабуда, бутафория*); глаголы с описанием негативных действий (*кинуть, плевать, ссать, задолбать, накуролесить*). Еще одна заметная группа – это сниженные экспрессивные названия людей, как предполагаемых представителей администрации сайта, так и недовольных пользователей: *горе-креаторы, нытики, позорники, ироды, рукожопы, бомжи, мошенники*. Кроме того, в текстах комментариев часто встречаются оценочные словосочетания, характерные для интернет-дискурса: *закидайте меня тапками, что вы там курите, танцы с бубнами, идите на хутор бабочек*.

С другой стороны, в ИИК активно используются маркеры солидарности, которые можно увидеть как в этикетных формулах, преимущественно в обращениях к администраторам сайта (лексемы *здравствуйте, спасибо, пожалуйста, плиз*; императивные сочетания *пожалуйста, подскажите; можно, пожалуйста*), так и в нейтральных или положительных номинациях пользователей (*коллеги, ребята, народ, чувак, девчонка, автор, адекватные работники*).

Общая экспрессивность коммуникации проявляется и на графическом уровне, где регулярно встречается написание комментариев верхним регистром (*ИЗУЧИТЕ ЛУЧШЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОТЗЫВЫ; ВЕРНИТЕ ВЫПЛАТЫ!*). Кроме того, прописными буквами могут выделяться содержательно значимые части ИИК. Обычно такое выделение осуществляется в виде своеобразного «обёртывания» верхним регистром в начале и конце ИИК (*МИЛЛИОНЫ пользователей от пребывания на этом сайте чувствуют ГЛУБОЧАЙШИЙ НЕГАТИВ; ОСТАВЬТЕ ленту для ПОДПИСОК, ИДИОТИЗМ замешанный*).

на дебильных ОБНОВЛЕНИЯХ). Ещё один способ выразить экспрессию – это намеренное отклонение от орфографических норм, что является характерной чертой интернет-дискурса (*падажжите, наканунета мы палучим галочку*).

Экспрессия проявляется и на синтаксическом уровне, например, использование параллелизма, при котором предложения в ИИК начинаются с одного и того же императивного глагола (*Верните текст над фото, видимость количества просмотров поста. Верните нормальную публикацию постов*). Ещё одним распространенным синтаксическим приемом является парцелляция с использованием дизъюнктивной конструкции (*планируете ли вы возвращать вкладку комментарии? Или с ними уже можно попрощаться, как и со многим остальным; Уберите это дурацкое требование в 1250 пдп в месяц! Или хотя бы в половину снизьте*).

Сочетание экспрессивности и маркеров солидарности также свойственно ИИК в сообществе НЗШБ. Причем, в этом контексте номинации людей становятся более негативными, переходя в явные оскорбления (*жлоб, особь, тпшница, чухонка, стрелочница, глупышка, дуручка девка, овца; сударыня (ироничное)*). Подобная тенденция проявляется в выборе глаголов (*отвалите, заткнись, вдувай, не звезды, не смеши, трындят*) и коллокаций (*живи с этим, смени пластинку, завидуйте молча*). Таким образом, установка на конфронтацию проявляется и в том, и в другом сообществе, причем горизонтальный характер общения между пользователями способствует использованию более сниженной лексики. В этом контексте выглядит перспективным сравнение реализации ИИК в большем наборе сообществ, а также сопоставление языковых характеристик ИИК и собственно модусных интернет-комментариев.

Заключение

Наше исследование является пилотной попыткой обосновать закономерность выделения ИИК как особого речевого жанра, обладающего устойчивыми характеристиками, которые прослеживаются в разных типах интернет-сообществ. Некоторые из выявленных нами признаков достаточно очевидным образом демонстрируют его обособленность в типологической системе текстов интернет-коммуникации. Одной из ключевых черт прагматической структуры ИИК является негативная тональность, которая остаётся неизменным атрибутом этого жанра, независимо от типа сообщества. В нашем наборе данных около 30% всех ИИК обладают негативной

окраской. Примечательно, что пользователи более активно поддерживают своими реакциями именно ИИК с негативной тональностью, что подтверждает социальную значимость конфронтационного общения в виртуальном пространстве.

Вообще естественной средой для бытования ИИК становится именно конфликтный дискурс, что ярко проявляется в его иллокутивно-прагматической характеристике. В сообществах с вертикальным типом связей ИИК служит средством атаки представителей локальной власти, тогда как в сообществах с горизонтальными связями он становится способом исключения из коммуникации тех, кого пользователи считают «чужими». В некоторых случаях ИИК также может выражать солидарность с представителями власти или с пользователями, разделяющими общие ценности. Однако такие примеры встречаются гораздо реже, что свидетельствует о том, что они носят факультативный характер.

Другие признаки подчеркивают дискуссионный характер основного тезиса нашего исследования. В первую очередь, это языковой уровень описания ИИК, который характеризуется высокой экспрессивностью используемых средств, включая оценочные существительные, прилагательные и глаголы с негативной коннотацией, а также сниженные экспрессивные наименования людей. Это проявление того, что ИИК сохраняет модусную функцию, характерную для интернет-комментариев в целом. Возможно, при дифференциации модусных и императивных по цели комментариев можно говорить лишь о смещении баланса между интенциями, но не полном исключении одной из них.

Еще одно важное наблюдение заключается в существенном различии в представленности ИИК между различными типами сообществ: в институционализированном сообществе с вертикальной структурой ИИК встретился в три раза чаще, чем сообществе с горизонтальными связями. Это может быть маркером тяготения ИИК к институциональному общению, а значит, ядро этой группы все же составляют комментарии-обращения, которые выделены в исследовании Я. А. Дударевой и Н. Н. Шпильной [17]. С другой стороны, мы наблюдаем представленность этого типа в обоих сообществах, причем, конфликтность и общий набор интенций значительно пересекаются (безусловно, с учетом специфики анализируемых сообществ). Дальнейшее расширение материала может позволить решить вопрос о статусе ИИК как особого речевого жанра, а также уточнить его типологические характеристики в различных коммуникативных пространствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
2. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions // *Journal of Politeness Research*. 2010. № 6, part. 2. P. 215–242. <https://doi.org/10.1515/JPLR.2010.011>
3. Речевая агрессия как свойство информационного пространства / под ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. 211 с.
4. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
5. Касперова Л. Т. Стилистические и жанровые особенности интернет-комментариев // *Русская речь*. 2018. № 1. С. 63–68.
6. Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
7. Голев Н. Д., Мельникова В. С., Юнг Д. А. Понятийно-категориальное описание конфликтной ситуации (на примере интернет-комментариев на тему вакцинации от коронавируса) // *Юрислингвистика*. 2022. № 25. С. 50–55. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2508](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2508)
8. Дементьев В. В. Оценочные метакомментарии в топе новостного браузера // *Политическая лингвистика*. 2018. № 4 (70). С. 20–27.
9. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // *Жанры речи*. 2014. № 1-2 (9-10). С. 81–88. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>
10. Сивенкова М. А. «Критиковать или не критиковать?»: об эффективности метакоммуникативных комментариев в политической дискуссии // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 148–151
11. Ким Л. Г., Рольгайзер А. А. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 286–294. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>
12. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2009. № 7. С. 32–47.
13. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. 380 с.
14. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика. М. : МГЛУ, 2002. 386 с.
15. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М. : КРАСАНД, 2010. 296 с.
16. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Пермена, 2009. 476 с.
17. Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Комментарий в социальных сетях как результат реплицирования (на материале интернет-комментариев о вакцине от ковида) // *Политическая лингвистика*. 2021. № 6 (90). С. 54–64. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_06
18. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
19. Qi P., Zhang Y., Zhang Y., Bolton J., Manning C. D. Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*. 2020. P. 101–108. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-demos.14>
20. Kuratov Y., Arkhipov M. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019. Iss. 18. P. 333–339.
21. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. М. : Изд-во МГУ, 1992. 176 с.
22. Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 292 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975752>

REFERENCES

1. Dementyev V. V. Genres in changing world: Creationistic potentials of speech genres and epistemological potentials of the theory of speech genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
2. Hardaker C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: From user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*, 2010, no. 6, part. 2, pp. 215–242. <https://doi.org/10.1515/JPLR.2010.011>
3. Rechevaya agressiya kak svojstvo informatsionnogo prostranstva. Pod red. M. V. Zagidullinoy [Zagidullina M. V., ed. Speech Aggression as a Feature of the Information Space]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2011. 211 p. (in Russian).
4. Kolokoltseva T. N. Internet comments as a network genre: General characteristics, dialogical potency, classification problems. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 164–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
5. Kasperova L. T. Stylistic and genre features of Internet comments. *Russian Speech*, 2018, no. 1, pp. 63–68 (in Russian).
6. Viktorova E. Yu., Panteeva K. V. An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
7. Golev N. D., Melnikova V. S., Yung D. A. Conceptual and categorical description of a conflict situation (on the example of Internet comments on the topic of COVID-19 vaccination). *Jurilinguistics*, 2022, no. 25, pp. 50–55 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2508](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2508)
8. Dementyev V. V. Evaluative meta-comments in the top of a news browser. *Political Linguistics*, 2018, no. 4 (70), pp. 20–27 (in Russian).
9. Steksova T. I. Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 81–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-81-88>

10. Sivenkova M. A. "To criticize or not to criticize...?" On the effectiveness of metacommunicative comments in political discourse. *Political Linguistics*, 2011, no. 4 (38), pp. 148–151 (in Russian).
11. Kim L. G., Rolgayzer A. A. Comment vs Internet comment: On the issue of the specific genre characteristics of virtual communication. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 286–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-286-294>
12. Karasik V. I. Comments as a genre of hermeneutic discourse. *Language, Communication and Social Environment*, 2009, no. 7, pp. 32–47 (in Russian).
13. Ionova S. V. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov: monografiya* [Approximation of secondary texts content: A monograph]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2006. 380 p. (in Russian).
14. Potapova R. K. *Novye informatsionnye tekhnologii i lingvistika* [New Information Technologies and Linguistics]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2002. 386 p. (in Russian).
15. Shchipitsina L. Yu. *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-Mediated Communication: Linguistic Aspect of Analysis]. Moscow, KRASAND, 2010. 296 p. (in Russian).
16. Lutovinova O. V. *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological Characteristics of Virtual Discourse]. Volgograd, Peremena, 2009. 476 p. (in Russian).
17. Dudareva Ya. A., Shpilnaya N. N. Commentary in social networks as a result of replication (based on internet comments about the COVID vaccine). *Political Linguistics*, 2021, no. 6 (90), pp. 54–64 (in Russian). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_06
18. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow, Moscow University Press, 1992. 336 p. (in Russian).
19. Qi P., Zhang Y., Zhang Y., Bolton J., Manning C. D. Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*, 2020, pp. 101–108. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-demos.14>
20. Kuratov Y., Arkhipov M. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, iss. 18, pp. 333–339.
21. Belyaeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya. Angliyskiy yazyk* [Grammar and Pragmatics of Imperatives. English Language]. Moscow, Moscow University Press, 1992. 176 p. (in Russian).
22. Culpeper J. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 292 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975752>

Поступила в редакцию 20.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 23.05.2025; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 20.04.2025; approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 23.05.2025; published 30.09.2025